

Едва забрезжил рассвет, и несколько птиц, собравшись на ветвях платана за окном, своим щебетанием нарушили тишину, царившую в резиденции.

Со всех сторон со двора доносились шорохи и шелест, служанки и стражи суетились, пересекаясь в своих делах, и новый день начался с привычной суеты.

На окраине города.

По ухабистой дороге, усеянной глиной и камнями, медленно двигалась скромная и неприметная карета. Вокруг неё спешили десяток стражников и служанок, время от времени торопя кучера.

Карета покачивалась, и деревянная табличка, висящая спереди, раскачивалась вместе с ней.

При ближайшем рассмотрении на табличке можно было разглядеть два иероглифа — «Резиденция Тан».

Внутри кареты женщина с аккуратно уложенными двойными пучками и приятной внешностью пристально смотрела на другую женщину, сидящую перед ней, её брови были нахмурены.

Та женщина была одета в короткую куртку цвета лунного света с узором пипа и юбку мамяньцунь с золотыми цилиндрями, поверх которых была накинута небесно-голубая накидка с вышитыми бамбуками, подчеркивающими её изящную фигуру.

Её кожа была бледной, как первый снег зимой, брови изогнуты и тонки, словно листья ивы, нос высокий и прямой, а губы маленькие и мягкие. Карета тряслась, и её брови снова сжались. Служанка рядом окликнула её, и она медленно открыла глаза.

Её глаза были прекрасны, словно созданы для того, чтобы сводить с ума. Один взгляд — и ты уже погружаешься в их глубокую, пронзительную тоску.

Но эта тоска была лишена фокуса.

Тан Линъи приподнялась, инстинктивно огляделась вокруг и вдруг осознала что-то, слегка расслабив сжатые губы.

— Госпожа, наконец-то вы проснулись! Выпейте воды, — служанка с двойными пучками, едва удерживая равновесие, налила чашку воды и протянула её.

Карета резко накренилась.

— Осторожно!

Тан Линъи, схватившись за край накидки, быстро поддержала служанку, которая чуть не упала, одновременно пытаясь ухватить чашку с водой. К счастью, ей удалось её поймать, но...

Тан Линъи взвесила чашку в руке — вода почти вся пролилась.

— Госпожа, с вами всё в порядке? — снаружи кареты раздался мужской голос, полный беспокойства.

Через мгновение он снова заговорил, на этот раз, похоже, обращаясь к кучеру.

— Кучер, помедленнее! Госпожа не выдержит такой тряски!

Тан Линъи и служанка, поддерживая друг друга, устроились поудобнее. Служанка торопливо вытащила шелковый платок и начала вытирать её. Рука служанки дрожала, касаясь промокшего края накидки, и Тан Линъи услышала едва уловимое всхлипывание. Она взяла руку служанки и мягко сказала:

— Хунмэй, со мной всё в порядке.

С тех пор как она очнулась, её мир погрузился во тьму. Даже когда она открывала глаза и ходила, никакой свет не пробивался сквозь бесконечную тьму. Прошло уже больше года. Она уже привыкла к жизни, полной непроглядной тьмы.

Сказав это, она снова обратилась наружу:

— Со мной всё в порядке.

Её голос был спокойным и мягким, без тени волнения.

Некоторые, услышав это, успокоились, другие же усмехнулись. Самый громкий смех раздался от кучера. Хотя Тан Линъи не видела лиц людей снаружи кареты, их насмешки она слышала отчётливо.

Хунмэй, успокоенная мягкостью Тан Линъи, продолжала приводить её в порядок, тихо говоря:

— Эти люди, видя, что госпожа больше не пользуется поддержкой господина и благосклонностью императрицы, всё больше пренебрегают своими обязанностями. В резиденции, пока кто-то следит, они хоть подадут горячую еду, но двор не убирают, платья стирают кое-как, и даже уважения не проявляют.

Хунмэй, с опухшими глазами, смотрела на свою госпожу, чьи глаза оставались спокойными, и её губы внезапно пересохли:

— Они просто пользуются тем, что наша госпожа не видит!

Они уже приближались к границе столицы, и кучер становился всё более наглым.

— Эта дорога в пригороде и так ухабистая, а госпожа с её изнеженным телом не может выдержать, вот и винит нас, — кучер плюнул, выражая своё недовольство открыто.

— Ты!

— И не забывайте, госпожа, вас отправляют в Усадьбу Юнъюй, а не с почестями и свитой. И то, что у вас есть такие условия, уже хорошо, не будьте слишком высокомерны! — его голос был не слишком громким, но достаточно, чтобы Тан Линъи услышала.

Тан Линъи не успела отреагировать, как стражник, обнажив меч, шагнул вперёд. Меч сверкнул, и кучер вместе с кнутом упал на землю.

Звуки стихли, остриё меча замерло в дюйме от грубой кожи кучера. Один шаг вперёд — и острый клинок разрежет плоть, кровь хлынет, и жизнь мгновенно оборвётся.

Кучер тут же замолчал.

Однако, когда стражник обнажил меч, люди вокруг кучера тоже вытащили свои клинки. Таким образом, пока стражник удерживал кучера, его самого тоже схватили.

— Прекратите.

Хунмэй осторожно открыла дверцу кареты, открывая лицо, которое было поистине уникальным. Все смотрели на неё, и на мгновение лица застыли.

Тан Линъи, казалось, почувствовала что-то, и тихо усмехнулась.

Только тогда все пришли в себя, и стражники, возглавляемые кучером, сглотнули, их глаза бегали, рассматривая Тан Линъи без тени смущения.

Она слышала, как Хунмэй глубоко вздохнула, и звуки противостояния между ней и Жун Анем, и в её сердце что-то сжалось.

Она произнесла:

— Жун Ань, не будь грубым.

Её голос был звонким, как звук серебряного колокольчика, успокаивающим в тёплом ветре.

— Госпожа, это они!

Жун Ань был возмущён и хотел оправдаться, но, увидев равнодушное выражение лица госпожи, понял, что она не хочет слышать его оправданий, и сдался. Он фыркнул и, взяв меч, отошёл в сторону.

С глаз долой — из сердца вон.

— Мы уже за пределами столицы, все мы одна семья, зачем ссориться? Верно, кучер? — Тан Линъи произнесла неспешно.

К сожалению, кучер не ответил, только встал с земли и злобно пнул лошадь, отчего карета сильно качнулась. Тан Линъи чуть не упала, но Хунмэй быстро её поддержала.

Она больше ничего не сказала, повернулась и вернулась в карету.

Кучер фыркнул, подумав:

«Ну конечно, девица из покоев, трусиха!»

Они снова двинулись в путь, но настроение у всех было разное.

Кучер, видя, как госпожа ведёт себя так робко, даже не стал сдерживаться. Он продолжал ругаться, выезжая за пределы города, и несколько стражников, которые не подчинялись, тоже начали проявлять непокорность.

Всё-таки это была брошенная и слабая девушка, о которой больше никто не заботился, и теперь они уже за пределами города... Что они захотят, то и сделают?

Стражники выглядели как обычные люди, но под этой оболочкой скрывалась грязь.

Они уже отъехали от границы на некоторое расстояние, и впереди был лес. Место было густо заросшее, людей почти не было, и только одна дорога вела туда и обратно.

Идеальное место.

Карета резко остановилась, и Тан Линъи чуть не вырвало от вчерашней еды.

Всю дорогу она прислушивалась к звукам снаружи, мысленно рассчитывая расстояние, и спокойно спросила Хунмэй:

— Мы уже на горе Цю?

Прежде чем она услышала ответ, дверца кареты распахнулась, ударившись о стену с громким звуком, словно кто-то торопился.

— Ну конечно, госпожа, вы всё ещё умны, — кучер, прислонившись к двери, ухмыльнулся, уголки его глаз сморщились.

Хунмэй встала перед Тан Линъи, закрывая её от жирного взгляда кучера, и его липкое «госпожа» вызвало у неё мурашки по коже!

Тан Линъи, казалось, услышала что-то смешное, и рассмеялась.

С точки зрения Хунмэй, госпожа смеялась над тем, как кучер переоценивает свои силы.

С точки зрения кучера, госпожа выглядела развратно, как женщины из публичных домов, которых он помнил, и её улыбка явно намекала на согласие.

Горло кучера зачесалось, он сглотнул и с похабной ухмылкой приблизился к ним.

Когда он подошёл ближе, Тан Линъи уже перестала смеяться и лениво произнесла:

— Ягнёнок готов к столу.

Как только она закончила, короткий кинжал выскользнул из её рукава, и она метнула его в направление, которое рассчитала по звуку, прямо в грудь кучера.

Снаружи раздались звуки ударов мечей и крики, и один из стражников, следовавших за ним, громко ругался. Вскоре послышался глухой звук падения, и больше никто не кричал.

<http://bllate.org/book/16867/1554062>